

Евангельские истории Л. Андреева
и «Иисус Неизвестный» Д. Мережковского

К теме «Л. Андреев и Д. Мережковский», как правило, подходят в связи с уяснением влияния Д.С. Мережковского – символиста и неомифолога – на творчество Леонида Андреева. Сегодня уже никто не отрицает наличие символистской составляющей, в том числе и мифопоэтики, в художественном мире последнего. Рассмотрены функции интертекста трилогии «Христос и Антихрист» в прозе Андреева и, прежде всего, в его романах-мифах «Сашка Жегулев» (1911) и «Дневник Сатаны» (1919) [8; 9]. На этом пути, конечно, еще возможны интересные наблюдения, но более актуальным представляется иной подход.

Настало время заново ответить на вопрос о влиянии новаций Андреева, в том числе и его мифопоэтики, на развитие русской литературы в XX веке. И не удивительно, что ответ на него начали искать в связи с самым известным русским романом-мифом XX столетия – «Мастером и Маргаритой» (1940) М. Булгакова. Двигаясь навстречу друг другу, исследователи Андреева и Булгакова пришли к выводу о востребованности опыта создателя «евангельского» цикла и романа-мифа «Дневник Сатаны» автором романа о пришествии Воланда и о Иешуа [8; 11]. Представляется, что не менее интересным может быть сопоставление «евангельских историй» Андреева, и в первую очередь, новеллы-мифа «Бен-Товит» (1905) и повести-мифа «Иуда Искарот» (1907) с «Иисусом Неизвестным» (1932) Мережковского.

Зная отношение Мережковского и его круга к Андрееву, предельно ясно выраженного в статье «В обезьяньих лапах» (1908), где он высоко оценивает только сам факт обращения писателя к общественно-религиозной проблематике, но тут же упрекает его за слишком вольную (кошунственную, малограмотную) интерпретацию библейских историй и совершенное отсутствие художественного вкуса, меры и т.п. [5], можно предположить, что при создании «Иисуса Неизвестного» он окажется «антиандреевцем» (сделав все не так, как он, а как нужно). Но как показывает анализ, все обстоит гораздо сложнее: опыт Андреева-художника не был отвергнут, а по-своему преломлен и учтен.

Андреев обратился к евангельским историям, чтобы ответить на чрезвычайно важные

для него вопросы: почему в свое время был предан Христос, и почему с тех пор много веков человечество продолжает предавать его, постоянно «переступая», «преступая» его заповеди, его учение. Для этого писатель пытается *представить, как это было на самом деле* (как это будет делать и Мастер Булгакова). В «Бен-Товите» он стремится ответить на вопрос о причинах поведения *народа*, отступившегося от Учителя, крупным планом показав *одного* из них. Андреев рассматривает *человеческие мотивы поведения* Бен-Товита, которого накануне казни Иисуса неожиданно одолела зубная боль. Этот человек оказался во власти не только эгоизма, но и своей физической природы (боли) и ограниченности возможностей человеческого ума (он не понимает сути происходящего). Последнее для Андреева чрезвычайно важно – это много объясняет в истории человечества, не способного адекватно оценивать, а значить и поступать в ее решающие моменты.

В «Иуде Искарите» в центре внимания *восприятие и поведение учеников Христа*. Никто, кроме Иуды, по-настоящему не любит и не понимает Христа (и в силу своей глупости, не может его понять в принципе). Они эгоистичны, самолюбивы, и поэтому ревнуют Учителя друг к другу и стараются занять место поближе к нему. Такие ученики не только с легкостью предадут, но и потом не в состоянии донести суть непонятого ими учения до потомков (то же у Булгакова – Левий Матвей перевирает Иешуа).

Крупным же планом здесь показан (и наиболее внимательно рассмотрен) – Иуда из Кариота. Он хоть и имеет двойную природу (*сатанинскую и человеческую*), но прежде всего представлен как *человек*. Это – личность, равновеликая Христу интеллектуально, поэтому понимающая его, ценящая его исключительность и искренне любящая его. Но у Иуды свои, отличные от Христа, представления о человеке как о маленьком, слабом, не нуждающемся в свободе и т.п. (здесь, конечно, функционирует интертекст «Легенды о Великом Инквизиторе» Достоевского). В то же время, Иуда, видя *молчаливое* стояние на своем Христа, все-таки *сомневается* в своей правде о человеке. Поэтому для проверки своей идеи и доказательства своей пра-

воты он ставит *идеологический эксперимент, предавая Христа*.

Иуда – ищущий истину, *сомневающийся человек*. Одной рукой он готовит предательство и казнь Христа, а другой, в тайне от себя самого, надеясь на правоту Иисуса, пытается организовать его защиту учениками и народом. До последней секунды он не знает, кто прав – он или Иисус, и чем все это кончится. Андреев блестяще представил *Страсти Иудины*, или, говоря словами Мережковского, *его агонию* (в «Иисусе Неизвестном» Мережковский поясняет, что агония – это «разуму непостижимое, разрушающее логический закон тождества, противоречие воли; «да» и «нет» одному и тому же» [6:425]). Такой, парадоксально истолкованный, очищенный от канонических интерпретаций, образ Иуды представал перед читателями как *Иуда Неизвестный*. И что бы ни писал Мережковский в своей статье в 1908 году, в 1930-х он, судя по всему, не прошел мимо опыта Андреева-художника и психолога и при воссоздании народа, и учеников, и Иуды из Кариота, и Иисуса.

Мережковский, как и Андреев, стремясь докопаться до истины и понять своих героев и мотивы их поступков, как бы снимает с их портретов пласт за пластом накопившуюся за века краску догматических истолкований и обнажает их истинные, неизвестные доселе, лики. При этом Мережковский стремится обнажить в фигуре Иуды и Иисуса не столько их *сатанинскую* у первого или *божественную* у второго, сколько *человеческую суть*. Это же влечет за собой сосредоточенность на художественном исследовании и изображении психологического состояния героев, оказавшихся в ситуации выбора. Ведь у Мережковского Иуда тоже идеологический предатель: он долго не может понять намерений Иисуса и поэтому колеблется и медлит с предательством, наконец, губя одного, и, как ему кажется, спасая весь свой народ. А Иисус-человек, по Мережковскому, не мог точно знать время своего Крестного подвига, к тому же как Сын Божий, он был наделен Отцом истинной свободой, а значит и свободой выбора. Да и сам Бог Отец, любя Сына, долго колеблется. Поэтому главным объектом художественного исследования в центральных главах произведения Мережковского (особенно в «Страстях Господних») оказываются *сомнения (агония) Иисуса*.

Что же касается упреков Мережковского и его окружения в адрес Андреева в связи с его слишком вольным (кошунственным или малограмотным) истолкованием евангельс-

кой истории, то в «Иисусе Неизвестном» он вроде бы антагонист предшественника. Произведение строится на мощнейшем фундаменте из различных первоисточников и их сопоставлениях, на точном цитировании различных вариантов «Евангелий» и т.п. Но ведь еще Н. Минский (в статье «Леонид Андреев и Мережковский» [7]) показал, как «король цитат» Мережковский умело приводит «чужие слова», зачастую искажая их смысл и вкладывая свой собственный. Автор «Иисуса Неизвестного» остается очень *тенденциозным проповедником своей концепции Третьего завета*. Ею и ассимилирован весь арсенал «чужого слова» [3; 10]. Так что эрудиция и академизм Мережковского подчинены его не менее вольной и парадоксальной, чем андреевской, субъективности. Первые же главы книги, рассказывающие о детстве и юности Христа, вообще в значительной степени опираются именно на интуицию и воображение писателя.

На фоне «Иисуса Неизвестного» виднее *адогматизм Андреева*, который сосредоточился на *поиске истины*: кто прав в понимании человека и его возможностей, Христос или Иуда, а не на проповеди уже известного ответа. Вынесенное же за границы художественного текста событие (воскресение Христа) оставляло читателей перед вопросом и о его божественной сущности, то есть перед вопросом о том, в чьих руках дальнейшая судьба человечества – Бога или Сверхчеловека (подобного Иуде). Но ведь этот же вопрос оказывается одним из важнейших и в произведении Мережковского. Так что при всем проповедничестве Мережковского следует учитывать сказанное Н. Бердяевым: «Д.С. Мережковский современный, новый человек, человек нашего зыбкого времени. Он сам себя не знает... Он по-своему очень искренний человек, ищущий веры и мучающийся... Силы веры в нем нет, он скептик, страшась смерти, но перед людьми он всегда предстает с догматическими формулами своих исканий веры, всегда напряженных и взволнованных» [2:388].

Судя по всему, опыт ищущего, сомневающегося и страшась смерти (здесь нужно вспомнить его евангельскую историю о Елеазаре) Л. Андреева – «нового человека», нашедшего «новые формы» художественного воплощения подобного мировосприятия и исканий истины, вольно или невольно был востребован позже такими разными писателями, как М. Булгаков и Д. Мережковский. Это, видимо, может быть учтено при ответе на вопрос о неожиданных точках схождения

и совпадениях в «Мастере и Маргарите» и «Иисусе Неизвестном», возникший сегодня у исследователей [4]. Отвечая на него, уче-

ные ищут общие предтексты произведений Мережковского и Булгакова, среди которых, судя по всему, были и андреевские.

Литература

1. *Андреев Л.Н.* Собр. соч.: В 6-ти т. – М., 1990–1996. 2. *Бердяев Н.А.* Философия творчества, культуры и искусства: В 2-х т. – М., 1994. – Т. 2. 3. *Жуков В.Н.* Третий Завет Дмитрия Мережковского // Мережковский Д.С. Собр. соч.: Иисус Неизвестный. – М., 1996. – С. 676–684. 4. *Леонтьев А.* Интертекстуальные трансформации в романе М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита» // Семантика языковых единиц: Доклады VI международной конференции. – М., 1998. 5. *Мережковский Д.С.* В обезьяньих лапах (о Леониде Андрееве) // Мережковский Д.С. В тихом омуте. – М., 1991. – С. 12–40. 6. *Мережковский Д.С.* Собр. соч.: Иисус Неизвест-

ный. – М., 1996. 7. *Минский Н.* Леонид Андреев и Мережковский // Наша газета, – СПб., 1908. – 16 марта (№ 1). – С. 2–3. 8. *Московкина И.И.* Между “pro” и “contra”: координаты художественного мира Леонида Андреева. – Харьков, 2005. 9. *Татаринов А.В.* Леонид Андреев // Русская литература рубежа веков (1890-х – начало 1920-х годов): В 2-х кн. – Кн. 1. – М., 2001. – С. 286–340. 10. *Темира Пахмус.* Мережковский в эмиграции: романы-биографии и сценарии // Мережковский: Мысль и слово. – М., 1999. – С. 72–81. 11. *Яблоков Е.А.* Художественный мир Михаила Булгакова. – М., 2001.

АНОТАЦІЯ

У статті досліджується вплив неоміфології Л. Андрєєва на поетику та авторську концепцію „Иисуса Неизвестного” Д. Мережковського.

SUMMARY

In the article is investigated the influence of L. Andreev's neomythology on the poetics and author's concept of “Iisus Neizvestny” by D. Merezhkovsky.